

СПЕЦИФИКА ФЕНОМЕНА ТЕЛЕСНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ

Л.В. Зорина

*Уральский Федеральный Университет
имени первого президента России Б. Н. Ельцина*

В статье говорится о том, что современная альтернативная культура раскрывает феномен телесности через образы, показывающие тенденцию к самоистощению человеческого тела и исчезновению привычного человеческого образа.

Ключевые слова: альтернативная культура, самоистощение, феномен телесности, человеческое тело.

CORPORALITY PHENOMENON: ON PECULIARITIES THEREOF IN CONTEMPORARY ALTERNATIVE CULTURE

The article describes contemporary alternative culture as representing the corporality phenomenon through images revealing the tendency of the human body to self-exhaustion, and disappearance of the customary human image.

Keywords: alternative Culture, Corporality Phenomenon, Human body, Self-exhaustion

Молодежная революция 1960-х годов принесла сексуальную свободу, общую демократизацию культуры, ослабление лицемерных и циничных установок по отношению к «естественному» телесному человеку. Но вместе с этим в культуре установилось новое противоречие, касающееся оснований и смысла человеческого бытия. Это связано с тем, что возникает противопоставление культуры массовой и культуры альтернативной, причем первая, в своих ценностных ориентирах базируется в основном на завоевания второй. С одной стороны, мы видим избыток информации, знаний о всевозможных видах

опыта, делающих человека «счастливым», эксплуатирующих зоны его наслаждения. С другой стороны, в альтернативной культуре, очень быстро становится очевидным факт ослабления инстинкта самосохранения ее представителей (Дж. Моррисон, Ян Кертис, Бон Скотт и др.). Уходит природный инстинкт выживания, на котором и базируется современная цивилизация. Массовая культура проповедует избыток жизненных человеческих ценностей, альтернативная — избыток экзистенциального опыта, избыток свободы, когда тело становится сначала проводником, а потом препятствием, вследствие чего изживается, оказывается «пущенным в расход». Ценности альтернативной культуры потому с точки зрения «цивилизованного» человека представляют собой разновидность безумия, даже антигуманизма. Массовая культура слишком человекоцентрична, делая акцент на поисках счастья и удовольствия, она, по сути, обедняет идею целостного человека и создает ограниченную концепцию телесности. Тело предстает здесь как тело удовольствия. Открытая и осознанная в Новое время множественность телесности оказывается поставленной в другие рамки — тело раскрывается в поисках удовольствия, оно становится сексуальным, но перестает быть эротическим, потому что экзистенциальная глубина телесного опыта, связанная с болью, страданием и усилием отодвигается на дальний план. Избыток свободы и счастья, открытый когда-то хиппи, одних привел к кенозису, а других к бесконечной погоне за удовольствием, которое сопровождается еще и погружением в поток симулякров, бесчисленных «гламурных» образов этого «слишком человеческого» счастья.

Идея гармонии и единства с первичной стихией, которую проповедовали дети цветов, а еще до этого проводил Маркузе в своей критике репрессивной индустриальной цивилизации, теперь уже не может расцениваться как рецепт идеального состояния, нацеленный на излечение поврежденной природы современного человека. Он слишком сильно эксплуатировался цивилизацией постиндустриальной. Теперь идеальным состоянием скорее будет возвращение усилия, идея активного взаимодействия со средой, борьба, преодоление. Только

усилие способно вернуть целостность. И здесь необходимо, что бы «клиповое сознание», которое в нашу эпоху оказывает главное воздействие на формирование мировоззрения молодых людей, было отодвинуто на второй план. Душа человека перестанет быть «тюрьмой тела» при условии возвращения индивида из сферы симулякров в сферу непосредственного чувственного восприятия реальности. Именно альтернативная культура дает такую возможность: чувство целостности и самооценности собственного тела может быть восстановлено участием в совместном переживании, например, на роковом концерте. Неслучайно поэтому в среде «альтернативщиков» особенно ценятся живые концерты исполнителей, которые играют роль своеобразной инициации для участников данного сообщества. Пребывание внутри такого коллективного тела способствует выявлению самоидентичности индивида, его аутентичности на глубинном телесном уровне.

Если в архаических культурах восстановлению духовного и органического единства коллектива и индивида содействовало совместное поедание мяса и крови тотема, то здесь дух единства поддерживается восприятием происходящего действия, настроенным на единый лад. Особенно важно, что в данном случае телесность реализуется непосредственно, бескорыстно, то есть отсутствует привязка осуществленного тела к политике, идеологии, тем аспектам современной культуры, которые ставят человека на службу механистическому единству, позволяют использовать его в утилитарных устремлениях власти.

Ценность неповторимого действия, происходящего на роковых концертах, начиная с традиций Вудстока, состоит в том, что это действие импровизированное. Отсутствие заданности составляет его главную идею. Поэтому специфика образной сферы, характерная для альтернативной культуры, состоит в ее непредсказуемом разворачивании, которое и уводит образ тела из области симулякров. Тело импровизируется, как и само действие. И в эту импровизацию включены как выступающие на сцене, так и зрители. Оказывается, что дело не столько в содержании текстов песен, сколько в способе воплощения всей идей альтернативной культуры, ее

противостоянии сфере «ложных подобий»: вечная разомкнутость, незаконченность процесса, выявление зыбкости оснований человеческого бытия. Главная идея может состоять в том, что существование человека лишено «надежности», иллюзию которой стремится создавать массовая культура, и что привязки к этой иллюзии следует избегать. Путь от «ложных подобий», от захваченности визуальным возвращает субъекта к телу, позволяет ощущать тело как материю именно живую, а не косную, подлежащую постоянным манипуляциям и переделкам. Особый образ действия выводит субъекта из «образа» к актуальности тела, и индивидуальное тело становится формой экзистенции. Оно «расширяется» как инструмент вхождения в реальность. Трата или аффект предшествуют творению нового самоощущения и самосознания, которое по человечески имеет смысл только во плоти, в акте нового отелеснения. Потому и маньеризм в свое время явился первым воплощением осознанной телесности.

Однако, опыт человеческой экзистенции всегда содержит в себе риск. Альтернативная культура, в противовес культуре массовой, указывает даже на неизбежность этого риска. Кенотипический опыт может привести к реальному «распаду» — гибели субъекта, как было видно на примере судьбы многих рок-звезд. Но подобного рода опыт необходим для того, чтобы осуществлялась возможность восстановления тела как «оси мира», возрождалось чувство субъективной целостности тела. Здесь являются актуальными особые типы взаимодействия телесного субъекта со средой. Если герой рок-оперы П. Таунсенда «Томми» в конце 1960-х ощущал «свободу как реальность», то новые направления альтернативной культуры стремятся напомнить о самой реальности, о чистом «различии», которое предшествует любому самоощущению. Реальность, лежащая за пределами субъекта, вовсе не обязана напоминать ему о некоей маркузеанской первичной гармонии. Скорее она должна явиться напоминанием о том, что становление и возвращение целостности проходит в состоянии конфликта и кризиса, борьбы за отвоевывание своего пространства в мире изначальной стихии. Воплощения конфликтного взаимодействия становятся такие телесные

феномены как, например, новые типы вокала: «скрим», рычащий вокал, хрипение. Два последних используются особенно часто в экстремальных направлениях рока — doom- и death-metal. Подобная игра голосом есть игра телом, указывающая на множественность гуманитарного и проблему его границ.

Борьба за освобождение человека как существа телесного, эротического была провозглашена бунтарями 1968 года. Но лишь позднее пришло осознание того, что такое высвобождение должно осуществляться постоянно. Реализация свободы — незаконченный процесс. Здесь очень актуальной становится платоновская концепция Эроса: Эрос всегда стремится, он «нищий». Массовая культура демонстрирует идею конечного осуществления человеческих желаний — все известно, все возможно, человек овладел природой, овладел собственным телом и вправе «творить» его. Но здесь неизбежно попадание в ловушку стереотипов. Именно альтернативная культура «ставит» реальность на место. Нужно позволить телу быть несовершенным, неидеальным, то есть индивидуальным. Выводя на сцену «фриков», альтернатива выполняет компенсаторную функцию, предохраняет культуру от попадания в ситуацию стагнации. Человеческое тело, таким образом, обретает право на болезнь, «поврежденность» как следствие конфликта, в котором и происходит становление субъекта.

«Истощение» тела на пути к иной телесности соотносится с истощением, изживанием классического образа человеческой телесности, что выражено в появлении образов телесности монструозной. Смысл желания и сексуального наслаждения уничтожены в бесконечном продуцировании образов массовой культуры, и желающее человеческое существо приобретает одновременно ужасный и смехотворный вид. Этот аспект современной культуры очень ярко демонстрирует творчество М. Менсона. Смешение идей сексуальной свободы с традицией демонизации сексуального тела дает интересный эффект: предельно сексуализированное тело возвращается в ужасном виде. Но это «ужасное» раскрывает факт человеческой слабости и беспомощности перед собственной природой и перед социальной реальностью. Монстр воплощает иронию по отношению к современному человеку, который может тешить

себя иллюзией, что способен овладеть рецептом счастья, гармонии, универсальности. На практике такие тенденции укрепляют, по сути, тоталитарное отношение к телу и к человеческому образу. Альтернативная культура, содержащая идею кенотипического опыта, возвращает субъекту возможность актуального взаимодействия с миром.

Саморазрушение — это следствие пришедшего во времена рождения нигилизма отстраненного взгляда на тело, когда сознание (дух) занимает позицию по отношению к своему телесному носителю, тем самым отторгая его от себя. Очень ярко феномен такого отторжения описан в романе Ч. Паланика «Невидимки», героиня которого приходит к осознанию своего тела как субстанции, чуждой и враждебной для самой себя. На саморазрушение, истощение, «расход» тела обрекает непереносимая реальность. Но кенозис тела указывает на препятствие, которое ставит действительность, выявляет телесность в ее ограничительном статусе: мысль о неисчерпаемости пределов для обретения новых модусов бытия и связанные с этим опыты приводят к более глубокому осознанию конечности в индивидуальном существовании. Спасением может стать игра с реальностью, особые типы взаимодействия тела со средой. Восприятие тела как микрокосмической сущности, идеи универсальности, неизбежно ведут к самоистощению: идеально только универсальное тело Богочеловека (или «полное» тело в концепции Подороги). Человеческое тело способно только истощаться: уже маньеризм (почерк предельно индивидуализированного тела) в своей динамике образов указывает на неизбежность истощения.

Античная идея тела формируется в русле учения о телеологии: потенциал человеческого ума способен в реальности трансформировать изначальное, «хаотическое» тело в подобие тела «космического». Средневековая культура демонстрирует идею недостижимости, нереальности богоподобного тела в сфере человеческого бытия. Современное тело — разъятое и непознанное как современный космос, пределы которого постоянно расширяются и ставят новые пределы познанию. Эксперименты, сделанные еще денди и символистами, поставили человеческую душу на позицию по отноше-

нию к телу и открыли путь для дегуманизации человеческого тела и образа: в период развития антропогенной цивилизации эта тенденция проявлена особенно явно. В поисках Ничто отрицается смерть культуры и ее стагнация.

Современное тело можно назвать «телом шизика», если применять теорию Делеза и Гваттари, но скорее это тело нового пророка или мессии, которое говорит об опыте невозможного. Выявляя основной, фундаментальный образ телесности, важно подчеркнуть, что это именно тело харизматика и отщепенца, а не тело обычного «мещанина» или среднего человека. Такое харизматическое тело почти всегда остается за рамками официальной культуры как невозможное тело Богочеловека. Современный тип пророчества и мессианства, показанный на примерах образа героя рок-оперы «Томми» или образа, создаваемого на сцене и в жизни Дж. Моррисоном демонстрирует, что современная альтернативная культура в основе содержит трансформированный элемент философии Богочеловека, которая и включает стремление к «полноте бытия», выход из сферы действительности в новую актуальность. Возможность инобытия — ключевой компонент современной альтернативной культуры. Обретение иного модуса телесности подразумевает именно перерасход, истощение или кенозис физического тела, разрушение привычной телесной схемы, что находит яркое отражение в образной сфере современной культуры. Путь к познанию, открывание «дверей восприятия», выход к инобытию воплощается в уподоблении себя, пусть и бессознательном, древним пророкам. Современные герои являют собой новую ипостась безумцев в глазах мира. Здесь совершается отказ от антропогенной культуры современности: поиски новой культуры характеризуют альтернативный тип бытия как проникнутый архаизмом, нацеленный на израсходование и завершение жизненного цикла, даже если оно может наступить слишком рано. Этот комплекс ценностей противостоит культуре масс, где торжествуют ценности здоровья и долголетия. Телесный двойник (новое тело), рожденный в абстрактном интенциональном движении, уничтожает «данное тело» в смысле выхода изначального физического тела к другим возможностям

восприятия и опыта, которые, однако, должны мыслиться как невозможные, что и выявляет отрицающий характер альтернативной культуры. Истощение, кенозис можно назвать здесь искупительной жертвой за человека, созданного современной потребительской цивилизацией.